

УДК 316.4

DOI 10.51691/2541-8327_2022_9_10

**СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ ПЕНСИОНЕРОВ КАК СЛЕДСТВИЕ
НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ¹**

Тертышникова А. Г.

К.с.н., ст. преп. кафедры социологии

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

Растворова А. Р.

Студент 4 курса

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

Аннотация: феномен социального исключения стал чаще возникать в рамках научного дискурса в результате пандемии COVID-19 и не в последнюю очередь проблема эксклюзии коснулась именно граждан пенсионного возраста. В представленной работе предпринимается попытка рассмотреть причину вынужденного государственного форсирования социального исключения пенсионеров в период пандемии. Основу исследования составляет анализ содержания государственных демографических проектов (“Старшее поколение”, “Активное долголетие”) и инициатив с целью выявления приоритетов государства в рамках данных программ. Поднимается вопрос о значимости включения пенсионеров в информационное пространство.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР № 100929-0-000 «Феномен эксклюзии в современном обществе (на основе мнений студентов московских ВУЗов)»

Ключевые слова: социальное исключение, пенсионеры, COVID-19, государственные демографические проекты, активное долголетие, компьютерная грамотность

***SOCIAL EXCLUSION OF RETIREES AS A CONSEQUENCE OF LOW
STATE'S DEMOGRAPHIC PROJECTS EFFICIENCY***

Tertyshnikova A. G.

Ph.D, Senior Lecturer of the Department of Sociology

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

Rastvorova A. R.

Undergraduate of 4th year

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

Abstract: the phenomenon of social exclusion has become more frequent in the framework of scientific discourse because of the COVID-19 pandemic, and mainly the problem of exclusion has affected citizens of retirement age. Presented work is trying to consider the reason why the state is forcing social exclusion of retirees during the pandemic. The research is based on the analysis of the content of state demographic projects (“Older Generation”, “Active longevity”) and initiatives to identify the priorities of the state within these programs. The question of the importance of including retirees in the information field is raised.

Keywords: social exclusion, retirees, COVID-19, state demographic projects, active longevity, computer literacy

Социальное исключение (социальную эксклюзию) можно охарактеризовать как следствие отделения определенной группы от некоторой социальной общности, либо как непосредственный механизм такого дистанцирования. Хотя чисто практически такое явление нельзя считать продуктом современного общества, его концептуализация в научном пространстве началась только в прошлом столетии. Теоретической базой послужили рассматриваемые Э. Дюркгеймом вопросы социальной солидарности, однако исторический контекст XX века повлиял на развитие теории исключения куда в большей степени. Первоначально термин “социальная эксклюзия” обладал достаточно негативными коннотациями, применяясь для обозначения деликвентных и маргинальных категорий населения [2, с. 6], тем не менее развитие теории позволило научному сообществу разглядеть проблему во всех основных общественных сферах. Э. Гидденс, рассматривая общество как некоторый главный социальный поток, обозначал эксклюзию не столько как самостоятельное явление, сколько как механизм, углубляющий общественное неравенство.

Среди групп, особенно сильно уязвимых к социальному исключению, в наши дни нельзя не отметить пенсионеров. Продолжительность жизни в России увеличивается [19], что способствует развитию тенденции старения населения. Тем не менее, несмотря на длительность жизни, сохранение работоспособности на всем ее протяжении задача, по крайней мере сейчас, невыполнимая. В этих условиях уход с работы на пенсию становится главной угрозой редуцирования прежнего уровня социальных связей пенсионера до минимума, зачастую ограниченного лишь кругом близких родственников. Утрачивая прежнюю связь с обществом, пожилые люди становятся наиболее уязвимы к полному социальному исключению, степень которого зависит в том числе и от физического здоровья, мобильности, возраста выхода на пенсию, а также последующей организации жизни. Последний пункт особенно примечателен - пенсионеры, проживающие в одиночестве, в доме родственников или в Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

специализированном учреждении, десоциализируются с разными темпами и разными путями. Если же отвлечься от всех дополнительных факторов, то первым и основным шагом к социальному исключению людей пожилого возраста остается именно уход на пенсию, в результате которого обилие социальных связей, сформированных на работе, постепенно начинает снижаться.

Для России характерен достаточно заметный разрыв между возрастом ухода с работы и возрастом, когда общество начинает идентифицировать человека как “пожилого”, поэтому важно отметить, что под пенсионерами, входящими в группу риска социального исключения, следует понимать именно тех граждан, которые приняли решение завершить свою карьеру. Люди, достигшие пенсионного возраста, но сохраняющие статус занятого, как правило, продолжают поддерживать достаточный уровень социального включения [4, с. 188].

Обладая и без того повышенными шансами к социальному исключению, пенсионеры наиболее уязвимы и к физическим заболеваниям: именно этот факт максимально дистанцировал социальную группу от общества в период пандемии COVID-19, в частности благодаря политике тотального локдауна для людей пожилого возраста (старше 65 лет). Все действия, предпринимаемые государством до пандемии, по включению пенсионеров в активную социальную среду, были приостановлены: политика создания облика инклюзивного пенсионера, сохраняющего активный образ жизни и после завершения рабочей деятельности, не могла продолжаться в условиях повышенных рисков для здоровья, в результате чего государство остановилось на наиболее радикальном, но, на первый взгляд, безальтернативном решении - институциональная социальная эксклюзия пенсионеров, другими словами - политика принудительной изоляции.

Меррил Зингер, анализируя последствия вспышки СПИД в 90-е, сформулировал синдемическую теорию, которая вернулась в научный дискурс

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

спустя 30 лет: Зингер посчитал, что сопутствующие СПИДу насилие и злоупотребление психоактивными веществами не просто коррелирующие факторы, а непосредственные элементы распространения заболевания. Связь эпидемии и вызываемых ей социальных последствий Зингер и определил понятием “синдемия”. Сейчас принято говорить об этой совокупности именно в контексте COVID-19: сопровождающие вирус стресс, стигматизация зараженных, увеличенный спрос на психологическую помощь, международная напряженность — все это создает намного более полную картину мира, нежели факт вспышки вирусной инфекции. Если в контексте теории Зингера синдемическими элементами выступали социальные последствия (безработица и криминогенность мест наибольшего распространения вируса), то характерной чертой синдемии 21 века выступает тяжелый психологический аспект. Этот факт возвращает нас к основному вопросу: пандемия нанесла удар по всем социальным слоям и отдельным группам, тем не менее именно для социальной адаптации пенсионеров локдаун стал фатальным. В чем причина?

Развитое информационное поле и применение компьютерных технологий вскоре позволило обществу адаптироваться к новейшим условиям, помогая поддерживать достаточный уровень социального взаимодействия, не выходя из дома. Тем не менее, всегда остаются категории населения, для которых перенос социальных связей из реальной жизни в цифровое пространство либо невозможен, либо воспроизводится с большим трудом. Значительная часть ответственности за сохранение уровня жизни своих граждан в экстремальных условиях лежит именно на государстве. Чтобы понять, почему же государство, сфокусировавшись на сохранении здоровья пенсионеров, не сумело избежать форсирования и без того актуальной проблемы исключения, необходимо взглянуть достаточно глубоко в допандемийный период: включение старшего поколения в информационную цифровую среду - фундаментальная проблема и именно в результате локдауна общество наиболее остро ее ощутило.

Для начала необходимо установить факт существования информационного неравенства. Говоря об этом, нельзя забывать, что информация является наиболее значимым ресурсом в условиях постиндустриального развития общества, и именно доступ к ней определяет положение индивида в поле социальных взаимодействий. Исходя из классификации видов информационного неравенства можно выделить несколько наиболее значимых характеристик, на основе которых предстоит анализировать взаимоотношения пенсионеров с цифровым пространством.

Во-первых, возможность физического доступа: поддержка социальных связей в ситуации укрепления значимости информационных цифровых полей невозможна без оборудования (компьютер, телефон, любое иное техническое устройство) или наличия доступа к нему (в публичных библиотеках, ко-ворк пространствах и т. д.). Сюда же стоит включить финансовый аспект доступа к информации: хотя часто принято разделять эти элементы неравенства, нельзя отрицать, что, в первую очередь, финансовый вопрос предшествует приобретению физического оборудования. Можно спорить, утверждая, что, даже не обладая достаточными средствами, возможно получать доступ к сети Интернет путем посещения уже упомянутых публичных библиотек. Тем не менее, временные затраты на перемещение между домом и местом, в котором возможно осуществлять доступ в информационное пространство, а также физическое усилие для преодоления пути предстают для людей пожилого возраста куда более весомыми критериями, чем, например, для молодежи, у которой значимость получения информации превышает издержки, появившиеся на пути к ней (наиболее валидной иллюстрацией будут студенты: в их случае поиск доступа к информации любыми способами мотивируется у них учебной необходимостью).

Иллюстрируя вышесказанное, стоит заметить, что всего около 25% российских пенсионеров обладают личным техническим устройством

(компьютером, планшетом, телефоном), благодаря которому можно осуществлять использование интернет-ресурсов [11, с. 64].

В случае с пожилыми людьми личное восприятие значимости использования коммуникативных технологий может отсутствовать вовсе: в таком случае мы можем вывести и второй аспект информационного неравенства - когнитивный. Когнитивный доступ к информации определяется возможностями пользователя применить свои интеллектуальные способности и опыт для освоения коммуникации в сети. Этот аспект можно поляризовать следующим образом:

1. Когнитивное препятствие, возникшее в результате отсутствия интеллектуальной способности познать принципы использования коммуникативных технологий - ситуация, в которой человек, даже имея желание, не способен в силу личностных особенностей освоить новую для него технологию;

2. Когнитивное препятствие, возникшее в результате осознанного отказа от их освоения - ситуация, в которой у человека достаточно способностей для взаимодействия с технологией, но отсутствует стремление к этому.

Фокусируясь на людях пожилого возраста, мы не можем отрицать значимости второго препятствия: будучи более консервативными, пенсионеры чаще других социальных групп стремятся избегать личных контактов с Интернетом и компьютерными технологиями.

Важно подчеркнуть, что даже при наличии когнитивного, физического и финансового доступа, отсутствие четвертого аспекта может обесценить всю совокупность возможностей получения информации. Под этим аспектом следует понимать доступ к значимой информации: в эту категорию необходимо включить все возможные препятствия для анализа - язык, на котором воспроизводится информация, степень полезности, открытость и закрытость информационных ресурсов. Этот тип доступа особенно актуален при рассмотрении проблемы компьютерной грамотности пенсионеров - даже имея

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

возможность выхода в интернет, человек нуждается в наличии базовых знаний о методе сортировки и поиска актуальных для него данных.

Почему так важно сформировать целостную картину о критериях доступа в сеть Интернет? Цифровое пространство неотъемлемая часть жизни среднестатистического гражданина России, в результате чего вся совокупность факторов, позволяющих совершать в нем привычные действия, такие как просмотр фильмов онлайн или поиск необходимой литературы, обесценивается и обезличивается: нет нужды анализировать, как именно мы совершаем все те действия, что приводят нас к нужному результату (просмотру фильма или чтению литературы). Создается впечатление, что доступ к интернету - естественное действие, не требующее никакой подготовки. Упомянутые аспекты неравенства позволяют рассмотреть процесс взаимодействия с цифровой средой с самого начала и понять, какие шаги необходимо совершить человеку, не соприкасающимся с ней. Таким образом, именно отсутствие навыков использования новых информационных технологий считается сегодня главным барьером для включения пожилых людей в общество.

Быстрый рост численности пожилых людей, характерный для современного общества, ставит перед государством и обществом новые проблемы, связанные с трансформацией институтов в интересах социального включения пожилых. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как кризис концепции активного старения. Динамика старения населения вынуждает правительства по всему миру создавать государственные программы, направленные на активную социализацию граждан после выхода на пенсию.

В наши дни геронтологические программы социальной работы часто вызывают волны критики одним своим существованием. Условно мы можем обозначить весь спектр государственных социальных программ для людей пожилого возраста понятием “активное долголетие” (русской адаптацией западной концепции active ageing). В первую очередь, программы подвергаются

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

серьезной общественной критике за счет отсутствия видимых результатов: создается впечатление, что пенсионеры остаются чрезмерно дистанцированы от общества, так как все социализирующие мероприятия в рамках концепции активного долголетия направлены на взаимодействие пожилых людей только друг с другом. Фактически, пенсионеры не включаются в общество, а более системно исключаются из него, не по отдельности, а сразу целой группой - создается иллюзия включения в коллектив, однако сам коллектив достаточно замкнут в рамках социализирующих мероприятий и зачастую не взаимодействует с обществом в целом.

Другой критический тезис фокусирует внимание на том, что политика таких программ слишком агрессивна и не индивидуальна: пенсионеры, обладающие проблемами со здоровьем, вынуждены отказываться от участия в мероприятиях активного долголетия, потому что создается впечатление, будто единственный способ продолжать процесс социализации после ухода на пенсию — это заниматься физической активностью. Подавляющее большинство программ фокусируется именно на физическом здоровье: один этот факт говорит о том, что основная цель активного долголетия скорее поддержание общего уровня спортивной активности, а не социальное включение и рекреация, как заявляется. Критическая геронтология наиболее успешно спорит с идеологиями активного старения, утверждая, что поддержание социального здоровья пенсионеров должно основываться на индивидуальных особенностях каждого человека (возрасте, мобильности, физической подготовке, интересах и т. д.).

Тем не менее, прежде чем заняться основательным анализом и критикой программ активного долголетия, следует рассмотреть их содержание. На основе Мадридского международного плана действий по проблемам старения (сформулированного в 2002 году) на протяжении уже двух десятилетий формируются все локальные и международные геронтологические проекты, однако для внедрения таких ориентиров в российское общество потребовались

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

некоторые корректировки. В первую очередь изменения коснулись самого названия: понятие “active ageing”, утвержденное ВОЗ, сопровождалось негативными коннотациями, будто подразумевающими необходимость “как можно быстрее постареть”, в связи с чем понятие “старение” было заменено на более нейтральное “longevity” - “долголетие”. В 2016 году концепция активного старения была интегрирована в “Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года”, хотя называть этот процесс полноценной интеграцией достаточно спорно - концепция представляла собой готовый нормативный документ, почти не вызвавший никаких дискуссий в академическом или публичном пространстве [5, с. 198].

Одним из важнейших нормативных документов, повлиявших на развитие геронтологической политики в мире, по праву, считается Рамочная стратегия ВОЗ, которая предполагает одновременное развитие трех следующих направлений:

1. Здоровье (забота и уход, доступ к медицинским услугам, работа над продлением здоровой и функциональной жизни);
2. Защищенность (охрана прав и свобод пожилых людей, социальная и финансовая защищенность, сохранение достоинства)
3. Участие (полноценное включение пенсионеров во все сферы общественной жизни, в соответствии с их потребностями, интересами и возможностями).

Важно отметить, что третий аспект, “участие”, четко отвечает на запрос критической геронтологии, напрямую заявляя о необходимости индивидуального подхода к активному старению. Тем не менее, насколько актуально адаптируется этот пункт стратегии в локальных законодательствах, вопрос более дискуссионный, в связи с чем следует обратиться к российской действительности

Следует повторить, что специфика российских демографических проектов исходит из кризисных условий: совокупности низкой рождаемости и

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

высокой смертности молодого населения (по данным за 2011 год мужская смертность российской молодежи превышает европейскую в 2,5–3 раза. Российская молодежь демонстрирует самый высокий уровень смертности как в возрастной группе 15–19 лет, так и в возрастной группе 20–24 года [17]). В связи с этим формируется демографический дефицит трудоспособного населения, что вынуждает государство задумываться над тем, как продлить активную трудовую жизнь людей пожилого возраста, используя их трудовой потенциал на максимум. Уже упомянутая выше Стратегия действий от 2016 года представляет собой первую ступень формирования комплексной политики, направленной на внедрение людей пожилого возраста в экономическую среду. В 2018 году был издан Указ Президента Российской Федерации №204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”, в рамках которого рассмотрены девять значимых национальных целей. Из них две связаны непосредственно с представителями старшего поколения:

1. повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2024 году); до 80 лет (к 2030 году);
2. рост уровня пенсионного обеспечения выше инфляционного показателя (обеспечение роста реальных доходов граждан).

Однако куда больший интерес в рамках рассматриваемой темы представляет национальный проект “Демография” - в него включено всего пять федеральных программ, из которых три непосредственно связаны с людьми пожилого возраста: “Старшее поколение”, “Укрепление общественного здоровья” и “Спорт - норма жизни”, причем только первый проект фокусирует внимание на специфике социальной группы, два других ставят пенсионеров в один ряд с остальными гражданами РФ, в связи с чем именно “Старшее поколение” представляет наибольший интерес.

Проект “Старшее поколение” постулирует значимость активного долголетия и необходимость повышения качества жизни пенсионеров. При Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

рассмотрении ключевых направлений деятельности проекта обнаруживается отсутствие должного внимания ко включению старшего поколения в актуальное общественное пространство. Актуальными аспектами программы являются:

1. увеличение продолжительности здоровой и функциональной жизни;
2. формирование системы долговременного ухода за пожилыми и инвалидами;
3. приведение в надлежащее состояние организаций социального обслуживания, ликвидация очередей;
4. организация институционального профессионального образования пенсионеров;

Что более важно, ни одно из этих направлений не поднимает вопрос о компьютерной грамотности пенсионеров или о важности включения пожилых людей в цифровое информационное поле: эти аспекты кажутся недостаточно актуальными, ведь социализация пенсионеров может проходить более удобными и понятными для них способами, например с помощью групповых занятий на открытом воздухе или льготами на посещение мест культурного обогащения. Тем не менее, последствия такого пренебрежения станут более явными в период пандемии. В 2020 году на Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества рабочей группой НИУ ВШЭ был представлен проект единой концепции активного долголетия. Однако, даже несмотря на то, что презентация концепции пришлась на разгар первой волны коронавируса, сам проект никак не комментирует и не стремится разрешить несоответствие приоритетов проектов активного долголетия актуальным запросам современного общества.

Концепция, разработанная НИУ ВШЭ, формулирует идею о том, что качество жизни пенсионеров должно формироваться еще в молодости - культивация здорового образа жизни, поддержание уровня образования. В Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

рамках концепции определяются три самых значимых приоритета демографической политики в отношении старшего поколения:

1. здоровье граждан (раскрытие потенциала здоровья, развитие медицинских учреждений и качества предоставляемых ими услуг, популяризация здорового образа жизни, борьба с хроническими заболеваниями, развитие превентивного подхода к борьбе с болезнями);

2. обеспеченная и достойная жизнь (поддержание достойного уровня жизни вне зависимости от возраста и возможности заботиться о себе самостоятельно, борьба с возрастной дискриминацией, трансформация облика старения в сознании общества, развитие финансовой грамотности, обеспечение населения достойной пенсией, увеличение сроков трудовой занятости, поддержание предпринимательских инициатив среди пенсионеров, формирование системы ухода за маломобильными пожилыми людьми);

3. активность и участие в жизни общества (стимулирование экономической, трудовой и социальной активности, рост предложения труда со стороны пенсионеров и спроса со стороны работодателей, развитие концепции непрерывного образования и повышения квалификации, укрепление межпоколенческих взаимодействий, развитие каналов информации о возможностях, предоставляемых проектах, обеспечение транспортной и физической доступности социальных и рекреационных мероприятий для пенсионеров, развитие волонтерских движений, развитие инклюзивной городской инфраструктуры).

Указанная концепция предполагает свое развитие и внедрение вплоть до 2034 года, тем не менее, все идеологическое основание проектов активного долголетия показало свою полную несостоятельность благодаря пандемии. Примечательно, что не только недостаточная актуальность приоритетных направлений подобных проектов стала причиной усиления критических настроений, но и неуверенное развитие вполне значимых аспектов.

Возвращаясь к проблеме социального исключения пожилых, мы должны резюмировать, что отсутствие достаточных знаний и умений для овладения информационно-коммуникационными технологиями - наиболее значимое препятствие инклюзии пенсионеров. Это препятствие настолько значимо, что в научном дискурсе говорят уже не столько о неравенстве в информационном поле, сколько о большом расколе [3]. И хотя государство стремится разворачивать обучающие проекты для актуализации компьютерной грамотности в глазах старшего поколения, а также адаптировать городские пространства (общественные библиотеки и ко-воркинги) для более удобного доступа в сеть Интернет, у нас нет никаких значимых оценок, которые помогли бы составить целостную картину успешности этих инициатив. Однако наблюдаются три параллельных процесса, влияющих друг на друга: социальное исключение пенсионеров присутствовало и до пандемии, однако усилилось из-за политики изоляции пенсионеров, демографические проекты активного долголетия не считают повышение уровня компьютерной грамотности пенсионеров приоритетом развития программ, а использование электронных ресурсов и цифрового пространства среди пожилых минимально.

Пандемия COVID-19 подорвала общественную веру в состоятельность демографических проектов, направленных на инклюзию старшего поколения во всем мире, и Россия не оказалась исключением. Все попытки включить пожилых людей в нормальную, активную общественную жизнь, разом оказались неэффективными, как только угроза здоровью стала для государства приоритетной опасностью. Для того, чтобы все результаты программ активного долголетия были стерты, оказалось достаточно физической изоляции пожилых людей в рамках их собственных домов. Анализ программных документов упомянутых проектов позволяет сделать вывод о том, что государство всегда ставило в приоритет поддержание физической активности и как можно более длительное удерживание пожилых людей на рынке труда, в то время как все мероприятия по поддержанию социального благополучия ограничивались

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

развитием инфраструктуры и проведением рекреационных мероприятий, которые только усиливали сепарацию сообщества пенсионеров от актуальной общественной жизни. В связи с этим кажется правильным подчеркнуть значимость информационно-коммуникационных технологий, которые стали главным помощником социального включения людей в период пандемии, однако именно люди старшего поколения оказались недостаточно подготовлены к их использованию, чтобы поддерживать достойный уровень социальной жизни. Здесь становится очевидным главное упущение государственных проектов активного долголетия: неактуальность их приоритетов. Являясь главной надеждой пожилых людей на обеспечение высокого уровня жизни, государство фокусируется на продлении продолжительности жизни и физическом здоровье и упускает из вида стремительную трансформацию общества, к которой пенсионеры просто оказываются не готовы. Тем не менее, в России кризис активного долголетия кажется менее фатальным, так как в полной мере государственные программы просто не успели развернуться. Все это приводит нас к выводу, что сейчас, когда масштабы пандемии значительно уменьшились, нам необходимо сфокусировать свое внимание на приоритетах активного долголетия, чтобы в дальнейшем не допускать институциональной эксклюзии пожилых людей в таких колоссальных масштабах.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" от 07.05.2018 г. 204 // Российская газета
2. Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. – 2000. – №. 3/4. – С. 5–7.

3. Вершинская О. Цифровой раскол–новый вид экономического неравенства? [Электронный ресурс] // <http://viperson.ru/articles/tsifrovoy-raskol-novyy-vid-ekonomicheskogo-neravenstva> (дата обращения: 18.07.2022).
4. Григорьева И. А., Чернышова С. П. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12. – №. 2. – С. 186–196.
5. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 //Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – №. 2. – С. 187–211.
6. Григорьева И. А., Бершадская Л. А., Дмитриева А. В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – №. 3. – С. 151–167.
7. Дмитриева А. В. Компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. 18. – №. 3. – С. 184–197.
8. Евсеева Я. В. Пожилые люди во время пандемии COVID-19 //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2021. – №. 2. – С. 75–93.
9. Еляков А. Д. Информационный тип социального неравенства // СОЦИС. 2004. № 4. С. 95–101.
10. Кондратов Б. Ф. Третий возраст и Интернет //Информационное общество. – 2009. – №. 1. – С. 64–75.
11. Корнилова М. В. Компьютерные и интернет-технологии в жизни пожилых людей: возможности и риски //Власть. – 2018. – №. 6. – С. 62–69.

12. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года, Принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения. Мадрид, 8–12 апреля 2002 года.
13. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Оценка факторов риска социальной эксклюзии населения пожилого и старческого возраста //Клиническая геронтология. – 2017. – Т. 23. – №. 11–12. – С. 30–37.
14. Международный план действий по проблемам старения: доклад // 115 сессия ВОЗ, 4 апреля 2002 г.
15. Научно-методологический доклад НИУ ВШЭ. Концепция политики активного долголетия / Под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
16. Национальный проект «Демография» <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 25.07.2022)
17. Николаюк Е. А. Динамика и структура причин смерти молодежи России и Европы //Профилактическая медицина. – 2016. – Т. 19. – №. 4. – С. 7–14.
18. Организация объединенных наций. Доклад второй всемирной ассамблеи по проблемам старения. — В продаже под № R.02. — Нью-Йорк: Изд. ООН, 2002.
19. Продолжительность жизни по данным Росстат // РосИнфоСтат URL: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni> (дата обращения: 01.08.2022)
20. Пустовалов Д. Н. Российская специфика избыточной смертности в молодых трудоспособных возрастах //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2015. – №. 1. – С. 87–107.

Оригинальность 95%